

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
КАФЕДРА РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ И ТЕОЛОГИИ

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ
НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

ВЫПУСК I

**БАРНАУЛ
2007**

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук П.К. Дашковский

Редакционная коллегия
доктор культурологии Л.С. Марсадолов
доктор юридических наук В.В. Невинский
доктор исторических наук А.А. Тишкин
доктор исторических наук А.В. Харинский
доктор исторических наук С.А. Яценко
кандидат исторических наук Р.А. Кушнерик

М **Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе:** сборник статей / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул: Азбука, 2007. – Вып. I. – 258 с.

В сборнике представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности и эпоху средневековья. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ.

Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей духовной культуры.

ISBN 978–5–93957–218–7

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Министерства образования, культуры и науки Монголии (проект №06-01-91809а/G, тема «Алтае-Саянская горная страна как экосистема кочевой цивилизации: история и современность»)

На обложке антропоморфная личина из могильника Чинета-II (раскопки П.К. Дашковского, рисунок А.Л. Кунгурова)

© Оформление Азбука, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
I. Архаичные религиозные верования и обряды народов Евразии	7
<i>Ю.Б. Сериков</i> Становление ритуально-культовой практики у палеолитического населения Урала.....	7
<i>П.К. Дашковский, Д.В. Культякова</i> Влияние иранского религиозного комплекса на мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в скифскую эпоху.....	24
<i>Ю.Б. Полидович</i> Скифский обряд очищения.....	44
<i>С.А. Яценко</i> О женщинах – «жрицах» у ранних кочевников (на примере знатных сарматов I в. до н.э. – II вв. н. э.).....	58
<i>Э.Б. Вадецкая</i> Имитации мертвых для продления их жизни	66
<i>Г.Г. Король</i> «Хойцегорский портрет» рубежа I–II тыс. н.э. и манихейство в Центральной Азии	81
II. Палеоастрономические аспекты изучения культовых памятников	100
<i>В.Е. Ларичев</i> Космогония и космология жречества эпохи палеометалла юга Западной Сибири (астральная теогония и протонаука в символах и образах протохрама «Сотворение Вселенной» Северной Хакасии).....	100
<i>В.Е. Ларичев, С.А. Паришков, С.А. Прокопьева</i> Астрономические, календарные и религиозно-мифологические принципы размещения в пространстве гробниц раннего железного века Северной Хакасии (на примере могильного поля, опорных плит и визирных лимбов окрестностей святилища Саратовский Сундук).....	121
<i>О.О. Полякова</i> Предполагаемая космогоническая концепция мирового порядка в тагарской культуре.....	135

<i>Л.С. Марсадолов, Н.В. Дмитриева, В.А. Иконников</i> Палеоастрономические аспекты новых объектов святилища Ак-Баур.....	148
III. Современные этноконфессиональные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии	161
<i>Е.В. Нам</i> Шаманские атрибуты: символика и ритуальный смысл (сравнительный анализ сибирской и древнегреческой культур)	161
<i>Н.А. Тадина</i> «Живому хорошо гулять, мертвому лежать в камнях» (о дуализме традиционного мировоззрения алтайцев)	174
<i>В.А. Бурнаков</i> Традиционная похоронная обрядность у хакасов.....	183
<i>Ю.И. Ожередов</i> Угли и зола в мифологии и ритуалах сибирских татар	196
<i>М.М. Содномпилова</i> Доминантные символы бурятской традиционной культуры: дерево, лес	207
<i>Р.А. Кушнерик</i> О роли религиозного фактора в приграничных регионах (по материалам полевых исследований на территории Горного Алтая в 2004–2007 гг.).....	221
<i>С.С. Дашидондоков</i> Феномен достопочтенного Хамбо Ламы Этигэлова!	226
<i>Л. А. Бургарт</i> Религиозная жизнь католиков и положение католической церкви в Казахстане в середине 50-х – начале 70-х гг. XX в. по «Воспоминаниям о Казахстане» священника Владислава Буковинского.....	232
Список сокращений	253
Сведения об авторах	254

I. АРХАИЧНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

Ю.Б. Сериков

*Нижнетагильская государственная социально-педагогическая
академия, г. Нижний Тагил*

Становление ритуально-культурной практики у палеолитического населения Урала

Еще совсем недавно единственным палеолитическим культовым памятником Урала считалась всемирно известная Капова пещера (Шульган-Таш). При посещении пещеры, прежде всего, впечатляет ее громадный арочный вход высотой около 20 и шириной до 40 м. Под аркой входа из-под скалы бьет мощный ручей («вынырок»), который образует небольшое, но глубокое Голубое озеро. Пещера состоит из множества залов и галерей общей длиной 2857 м и разделяется на три яруса, которые соединяются между собой колодцами. Рисунки выявлены на среднем и верхнем ярусах пещеры на расстоянии от 150 до 320 м от входа. На среднем ярусе рисунки присутствуют во всех залах – Купольном, Знаков и Хаоса. Высота залов колеблется от 12 до 15 м. На верхнем – они найдены только в одном (самом ближнем от входа) зале Рисунков. Он имеет ширину до 40 м, а высоту – 25 м. Чтобы со среднего яруса попасть в верхний, нужно преодолеть почти отвесный 14-метровый колодец (Щелинский В.Е., 2001, с. 33–37).

Первые палеолитические рисунки в ней были открыты зоологом А.В. Рюминым в 1959 г. Впоследствии их изучением занималась экспедиция Института археологии АН СССР под руководством О.Н. Бадера (Бадер О.Н., 1961; 1962; 1963; 1965). За время работы экспедиции было открыто свыше 30 рисунков. На среднем ярусе пещеры преобладали геометрические фигуры, а на верхнем зафиксированы в основном изображения зверей. Среди них присутствовали фигуры мамонтов, лошадей, носорога и бизона. По мнению О.Н. Бадера, все изображения нижнего и верхнего ярусов пещеры одновременны и являются частью одного палеолитического святилища (Бадер О.Н., 1965, с. 22). Культурного слоя экспедиции О.Н. Бадера обнаружить не удалось (Широков В.Н., 1995, с. 21–24).

В 1982 г. исследование Каповой пещеры продолжила экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством В.Е. Щелинского (Щелинский В.Е., 1996). В результате работ экспедиции удалось выявить новые рисунки, общее количество

которых достигло пятидесяти (Щелинский В.Е., 2001, с. 37–43). Увенчались успехом и поиски культурного слоя. Его обнаружили на среднем ярусе пещеры в 200 м от входа в нее в зале Знаков на глубине 50 см. Среди находок 193 каменных скола, 3 орудия из галек, 7 костяных изделий, 4 бусины, 3 подвески, около 60 раковин с отверстиями, глиняная жировая лампа, 15 кусочков охры со стертymi поверхностями и глыба известняка с фрагментом рисунка мамонта. По древесному углю из слоя получены две даты – 14680 ± 150 (ЛЕ-3443) и 13930 ± 300 (ГИН-4853) (Щелинский В.Е., 1997, с. 31–33).

Исследования Каповой пещеры в 2001-2004 гг. группой Всероссийского геологического института РАН привели к сенсационным результатам. Разработанная А.К. Солодейниковым оригинальная методика цифровой обработки фотодокументации позволила выявить слабо различимые, практически не видимые глазом рисунки. В результате были открыты десятки новых рисунков и около сотни неясных цветowych пятен, которые, по всей видимости, являются уничтоженными природными факторами древними рисунками. Группой разработана методика, при помощи которой моделировался факельный свет. Это привело к новому прочтению ряда рисунков и выявлению новых. В настоящее время каталог рисунков содержит около 200 изображений (Ляхницкий Ю.С., Солодейников А.К., 2004, с. 56). Большая часть рисунков выполнена охрой красного цвета (от алой до темно-красной и темно-коричневой). В пещере выявлено около десятка черных рисунков, сделанных, скорее всего, углем. Небольшую часть рисунков можно отнести к полихромным изображениям. Они выполнены краской, в которой кроме красной охры находились черные и коричневые красители. Новые работы в пещере позволили обнаружить глиняные барельефы, поверхность которых была покрашена охрой. Оригинальными изображениями можно считать естественные выступы скал, иногда подработанные подтеской и сколами, которые тонировались цветными красителями (Ляхницкий Ю.С., Солодейников А.К., 2004, с. 63–64).

Изучение красителей и стилистических различий в рисунках привело исследователей «к выводу о длительном и разновременном процессе создания изображений» (Ляхницкий Ю.С., Солодейников А.К., 2004, с. 63; Котов В.Г., Ляхницкий Ю.С., Пиотровский Ю.Ю., 2004, с. 71).

Новые работы в пещере позволили получить дополнительные сведения о том, какими источниками света пользовались древние художники. Раскопками В.Е. Щелинского была обнаружена керамическая жировая лампа. К ней добавилось еще два светильника. Один из них представляет выточенный из зеленого камня сосудик диаметром

около 9 см. А второй – вогнутый осколок сталактита с закопченной внутренней поверхностью. Кроме светильников также в щели под рисунками был найден крупный кусок известняка, который использовался для растирания охры. Еще одна краскотерка была обнаружена в своеобразном «домике» под каменной плитой (Котов В.Г., Ляхницкий Ю.С., Пиотровский Ю.Ю., 2004, с. 65–66).

Материалы Каповой пещеры широко используются исследователями для реконструкции мифологических представлений верхнепалеолитического населения Урала (Филиппов А.К., 1997а, с. 69; 1997б, с. 55; Котов В.Г., 1997, с. 3-10; Филиппов А.К., 2004, с. 157–158). В.Г. Котов считает, что пещера и озеро, находящееся под аркой входа, для народов Южного Урала являлись культовым центром, где, начиная с верхнего палеолита и до этнографической современности, совершались обряды посвящения и возрождения Природы (Котов В.Г., 1997, с. 12–20). По его мнению, в мифологической основе эпоса «Урал-батыр» лежит инициационный миф палеолитического возраста, который сопоставляется со структурой и характером пещерного святилища Шульган-Таш (Котов В.Г., 2001, с. 72–76).

Таким образом, полученные результаты исследований и новые находки значительно дополняют и расширяют представления об обрядовой деятельности палеолитического человека, и в целом – о функционировании уникального святилища на территории Урала – Каповой пещеры.

В 1980 г. В.Т. Петриным были открыты древние рисунки в Игнatieвской пещере на р. Сим (Челябинская область), которая является притоком р. Белой. Как раз на этой реке примерно в 250 км к югу от Игнatieвской (другое название – Ямазы-Таш) находится Каповая пещера. Вход в пещеру не такой громадный, как в Каповой, но тоже впечатляет – около 12 м в поперечнике. Общая длина пещеры 626 м. Она подразделяется на Входной грот, Основной коридор, Большой и Дальний залы. Почти везде в пещере можно ходить в полный рост. Высота некоторых гротов достигает 2-4 м и даже 8 м (Большой зал). Самым труднодоступным является Дальний зал. Чтобы попасть в него, нужно пролезть через нижний узкий лаз, либо подняться через верхний ход, который располагается на высоте 4,5 м. Все древние рисунки сосредоточены в Большом и Дальнем залах (Петрин В.Т., 1992, с. 13–37).

В пещере выявлено более 50 рисунков красного и черного цвета. Среди рисунков представлены изображения мамонтов, лошадей, тура, верблюда, антропоморфов, а также различные знаковые фигуры (Петрин В.Т., 1992, с. 38–73). Следует отметить, что рисунки животных в Игнatieвской пещере выполнены очень схематично, чем сильно отли-

чаются от реалистических изображений в Каповой пещере. Первая информация В.Т. Петрина об открытии палеолитических рисунков в Игнatieвской пещере, представленная им в серии докладов, вызвала неоднозначную реакцию специалистов.

Кроме рисунков в пещере выявлено 34 группы, состоящие из 348 негативов сколов, произведенных с выступающих участков стен пещеры. Располагались сколы в непосредственной близости от рисунков или пятен краски. Чаще всего они производились в узких ответвлениях гротов или лазах. По мнению В.Т. Петрина они синхронны палеолитической живописи и взаимосвязаны с рисунками. Появление этих сколов он связывал с особым отношением к камню (Петрин В.Т., 1992, с. 73–84).

Раскопки в пещере и сборы с поверхности дали внушительную коллекцию находок, которая состоит из 1350 каменных изделий и 4 украшений (подвесок и бусин). Причем с поверхности пещеры собрано свыше 50% всех каменных изделий (748 экз.) (Петрин В.Т., 1992, с. 106–138).

Следует также отметить, что еще в 1961 г. в пещере на глубине 70–80 см О.Н. Бадером были найдены разрозненные кости человека (фрагменты черепа, обломки лучевой и локтевой кости и фаланга). Г.Ф. Дебец предположительно отнес их к позднепалеолитическому времени (Бадер О.Н., 1980, с. 69).

По материалам из культурного слоя получена серия радиоуглеродных дат: по древесному углю – 10400±465 (СОАН-2468), 13335±192 (ИЭМЭЖ-365), 14240±150 (СОАН-2209) – и по кости – 13500±1660 (ИЭМЭЖ-41), 14038±490 (ИЭМЭЖ-366), 14200±660 (ИЭМЭЖ-54), > 27500 (ИЭМЭЖ-21) (Радиоуглеродная хронология..., 1997, с. 62).

Отбрасывая крайние значения радиоуглеродных дат, В.Т. Петрин определил появление рисунков в пещере в интервале 13–14 тысяч лет назад (Петрин В.Т., 1992, с. 145–146).

В 2000 г. публикуется заметка А.А. Формозова о датировке рисунков в Игнatieвской пещере. Анализируя росписи Игнatieвской пещеры, он приходит к выводу, что многие сюжеты и стилистические приемы, представленные в данной пещере, не характерны для палеолитического искусства. А.А. Формозов обращает внимание на то, что имеется как минимум 8 вариантов датирования рисунков, и подчеркивает, что В.Т. Петрин выбрал только один, причем, по мнению автора заметки, без достаточной аргументации. В силу этого напрашивается вывод о разновременности рисунков в Игнatieвской пещере. Для более точного определения возраста данных росписей требуется прове-

сти большие и разносторонние исследования (Формозов А.А., 2000, с. 215–217).

Еще в 1998 г. группой сотрудников из Техасского А&М университета были отобраны образцы красящего пигмента для радиоуглеродного датирования. Образцы взяты от трех черных и одного красного рисунков. Результаты анализа опубликованы только в 2003 г. Датировать красный рисунок женщины из-за малого количества углерода не удалось. А даты черных красок, взятых из рисунка мамонта и двух линий, показали, что сомнения специалистов в палеолитическом возрасте росписей Игнatieвской пещеры имели для этого все основания. Полученные даты оказались в лучшем случае мезолитического возраста: 7370 ± 50 (4RU292), 7920 ± 60 (4RU291) и 6030 ± 100 (4RU318) (Широков В.Н. и др., 2003, с. 68–71). Авторы датировок считают, что самым очевидным свидетельством палеолитического возраста рисунков Игнatieвской пещеры является наличие среди них изображений плейстоценовых животных. По поводу полученных датировок они выдвигают три предположения, объясняющих столь поздние даты рисунков (Широков В.Н., Rowe M.W., Steelman K.L., Southon J.R., 2003, с. 71). Однако среди них нет главного объяснения: рисунки Игнatieвской пещеры действительно являются разновременными.

Во время изучения Игнatieвской пещеры экспедицией В.Т. Петрина в ее окрестностях были осмотрены и другие проявления карста. В результате этих работ в 1982 г. удалось обнаружить рисунки во 2-й Серпиевской пещере (Колокольной). Она расположена в 10 км от Игнatieвской пещеры выше по течению р. Сим. Представляет собой карстовую галерею длиной около 150 м и высотой от 2,5 до 8 м. Рисунки в виде плохо сохранившихся знаков обнаружены в восьми местах пещеры. Начинаются они в 40 м от входа. Только один рисунок можно определить как фигуру животного. Культурного слоя как такового в пещере не найдено, однако зафиксирован так называемый «слой посещения», в котором сохранились древесные угольки и кости животных верхнепалеолитического фаунистического комплекса. На этом основании рисунки 2-й Серпиевской пещеры были отнесены к концу палеолитической эпохи (Петрин В.Т., Широков В.Н., Чаиркин С.Е., 1990, с. 7–20).

Пещеры с выразительными и красочными росписями долгое время считались единственными культовыми комплексами палеолитической эпохи. Могут ли быть палеолитические святилища и другого рода – вопрос даже не ставился. Видимо, поэтому отношение к выявленным культовым комплексам нового типа было очень осторожным.

Палеолитический памятник с чрезвычайно интересным комплексом находок обнаружен на берегу озера Большие Аллаки в Челябинской обл. – Большие Аллаки II. Связан он с так называемыми «Каменными палатками» – скальными выходами высотой до 8 м. Некоторые скалы выглядят как громадные человеческие черепа. На скалах зафиксированы две писаницы, под которыми обнаружен культурный слой с изделиями культового характера. Находки (геометрические микролиты, микропластинки-вкладыши, каменные и бронзовые наконечники стрел, медное копье, медный птицевидный идол, фрагменты керамики и др.) датируются в широком хронологическом диапазоне от мезолита до средневековья. Все это позволяет рассматривать данный комплекс как древнее долго функционировавшее культовое место (Чернецов В.Н., 1971, с. 43–47).

Ниже этого слоя совершенно неожиданно был зафиксирован еще один горизонт, который содержал находки эпохи палеолита: угольки, сильно минерализованные кости дикой лошади и каменные изделия. Из 208 изделий 164 (78,85%) изготовлено из горного хрусталя. Исходной формой сырья являлись хрустальные друзы и гальки. Яркими выраженными орудиями являются только два скребка. Учитывая необычную топографию памятника, а также наличие на «каменных палатках» культового места, функционировавшего на протяжении нескольких тысячелетий, авторы раскопок допускают, что традиция такого почитания «каменных палаток» могла начаться еще в палеолитическую эпоху. Дата этого необычного комплекса – 24760 ± 1095 (СОАН – 2213) (Жилина И.В., Петрин В.Т., 1989, с. 46–48).

Исследования хрусталесодержащих комплексов, проведенные автором, показали, что цвет и структура благородных минералов уже в глубокой древности имели особое сакральное значение и сознательно использовались древним человеком в своей культовой практике (Сериков Ю.Б., 2001а, с. 44–47). В силу этого есть все основания предполагать, что изделия из горного хрусталя могут являться своеобразным индикатором культовых комплексов (Сериков Ю.Б., 2005, с. 7–12). Поэтому предположение В.Т. Петрина о культовом характере хрустального комплекса Больших Аллак II выглядит вполне правомерным.

Своеобразным подтверждением этому предположению могут служить находки еще на одном культовом памятнике, расположенном на имевшем священный статус Шайтанском озере (Свердловская область) (Сериков Ю.Б., 2006, с. 223). Он расположен на полуострове, вдающемся в озеро и имеющем гранитное основание. Высота полуострова достигает 20 м. На его поверхности присутствуют россыпи гро-

мадных гранитных глыб, которые создают незабываемые впечатления у посетивших его людей. На самой высокой точке полуострова находится гранитная глыба с двумя чашами выдува. Еще одна чаша правильной формы располагается на валуне к юго-западу от навеса в виде своеобразного грота. Над уровнем озера навес находится на высоте 14 м. Камера грота имеет длину 6,6 м, ширину 4 м и высоту около 3 м. Навес сложен громадными гранитными валунами размером от 6 до 10 м. Как и на Больших Аллаках, культовый комплекс находок представляют материалы практически всех археологических эпох от мезолита до раннего железного века (Волков Р.Б., Ерохин Н.Г., Тихонова Н.Р., 1999, с. 110).

Чрезвычайно интересным фактом на этом культовом памятнике является нахождение в нижнем слое свыше 300 костей плейстоценовых животных. Преобладают среди них кости северного оленя и уральской лошади, затем по численности идут кости сурка, зайца и сайги. Единичными находками представлены кости шерстистого носорога, песца и бизона. Учитывая, что в нижнем слое не встречено археологических находок, а также то, что на костях присутствуют погрызы хищников, палеобиологи предполагают, что накопление костей в нем происходило в результате жизнедеятельности хищников (Косинцев П.А., Улитко А.И., 1999, с. 78).

Однако автор считает, что и в нашем случае, несмотря на отсутствие артефактов в плейстоценовом слое, фаунистический комплекс мог накапливаться в результате культовых действий. Об этом может свидетельствовать как необычная топография памятника, так и фаунистический список (8 видов животных) и сам состав этого списка. Трудно представить хищника, который бы питался животными от сурка до шерстистого носорога.

Совершенно новым типом культовых палеолитических памятников являются святилища, обнаруженные в пещерах Южного и Среднего Урала. В 1990 г. в пещере Заповедной, расположенной на р. Лемеза – правом притоке р. Сим, были выявлены необычные культовые комплексы. Пещера имела два входа, длина ее ходов около 180 м при средней высоте 1,3 м. Первый комплекс составлял череп пещерного медведя, поставленный на глыбу известняка. Впоследствии в пещере было обнаружено еще несколько комплексов в виде установленных в нишах черепов пещерных медведей (Котов В.Г., 1997, с. 42–45). Выделяются два скопления черепов в двух залах по обеим сторонам входа в северную галерею. В первом скоплении находилось 15 черепов, уложенных перпендикулярно стене и обращенных лицевыми частями вглубь зала. Второе скопление имело длину 4 м и состояло из 56 чере-

пов, уложенных друг на друга в 2-3 ряда (Котов В.Г., 2000, с. 37–38). Некоторые черепа несут на себе следы повреждений, произведенных в древнее время. В процессе шурфовки в пещере был обнаружен культурный слой, в котором кроме угольков и костей плейстоценовых животных обнаружены кремневое орудие, пластинка и кусочек охры (Котов В.Г., 2001а, с. 101). Радиоуглеродный анализ угольков из кострища показал дату 12380 ± 260 (ЛУ-3861). Кости же медведя имеют дату 28700 ± 1000 лет назад (ЛУ-3715). По мнению автора раскопок, древние люди использовали в своих ритуалах черепа и кости пещерного медведя, найденные в этой пещере (Котов В.Г., 2000, с. 39).

Вторичное использование находок из предшествующих археологических эпох известно с глубокой древности, начиная с эпохи палеолита. Древние изделия и кости вымерших животных обладали особым сакральным статусом и часто использовались, прежде всего, в культовой практике древнего населения (Сериков Ю.Б., 2001б, с. 56–57).

Следы культа пещерного медведя были обнаружены и в пещере Сикияз-Тамак I (Сквозная) Сикияз-Тамакского пещерного комплекса (Южный Урал) (Юрин В.И., 2001, с. 34–36). В запечатанном зале пещеры (зал № 8) в одном слое было найдено два черепа пещерного медведя без нижних челюстей, кости других животных, а также птиц и рыб, 2 кремневых отщепа, пластинка с ретушью, фрагмент костяного наконечника, древесные угли и кальцинированные кости. По древесному углю получена дата культурного слоя – 11690 ± 70 (GrA-18661). По мнению исследователя, не исключена возможность омоложения возраста из-за загрязненности образца (Житенев В.С., 2006, с. 201).

На одном из черепов были обнаружены нарезки, оставленные каменным орудием, и сделанное намеренно отверстие в лобной части. Также на лобной части черепа имеется участок, окрашенный красной охрой. О намеренном окрашивании черепа свидетельствует полное отсутствие в культурном слое следов красящего пигмента. Практика окрашивания черепа животного ранее на Урале известна не была. Учитывая, что черепа располагались на хорошо видимом дальнем участке зала пещеры, их можно рассматривать в качестве особых демонстрационных комплексов, экспонированных с ритуальными целями (Житенев В.С., 2006, с. 202–203).

Подобные демонстрационные комплексы, в настоящее время уничтоженные браконьерами, были выявлены и в пещере Тайн на Среднем Урале (Пермская область). Пещера расположена на притоке р. Яйвы – р. Березовке. Длина пещеры – около 500 м, в ней имеется два грота. В дальнем гроте практически на поверхности зафиксированы черепа пещерных медведей, уложенные правильными рядами по 3–4 в ряд.

На черепаках отмечались следы сильных ударов. Вблизи скопления черепов обнаружены остатки зольников и единичные кремневые отщепы и желваки со следами обработки. Радиоуглеродного датирования черепов не производилось, но есть предположение, что кости медведей намного древней зольного слоя и каменных изделий. Возможно, что данные черепа использовались в культовых целях в конце палеолитической эпохи (Мельничук А.Ф., Изосимов Д.А., Фадеева Т.В., 2004, с. 271). Именно с этим временем связан культ медвежьих черепов в других пещерных святилищах Урала.

В архиве пермского краеведа Е.П. Близнецова имеется рисунок черепа пещерного льва, стоящего на валуне в центре небольшого грота (видимо, грот Малютка). Грот находится недалеко от Чаньвенской (Вогульской) пещеры, расположенной на р. Березовой, притоке р. Чаньвы (Пермская область). Им же в гроте Динамитный на р. Усьве найден в шурфе целый череп дикой лошади (Близнецов Е.П., 1968, с. 116–117). К сожалению, дополнительного исследования данных пещер так и не было произведено.

Интересный культовый комплекс выявлен еще в одной пещере, расположенной на территории Пермской обл. Она находится на р. Чусовой, в устье р. Кумыш, в скальном обнажении в виде вертикально поставленного каменного ребра высотой 15–17 м. Пещера представляет собой щель длиной 9 м, шириной 2 м и высотой до 5 м. Почти по всей длине пещеры вдоль стен идут карнизы шириной 50–60 см. Между карнизами вдоль продольной оси пещеры по ее центру зафиксирована расселина. Возле входа ее ширина 30 см, а в глубине пещеры – доходит до 60 см.

В 1999 г. в глубине пещеры на плоскости западного карниза был обнаружен вертикально стоящий череп дикой лошади. Со всех сторон он был обложен камнями размером с кулак. Череп сохранился практически полностью за исключением передних резцов, которые были найдены у входа в пещеру. Обломки нижней челюсти лошади зафиксированы на соседних квадратах.

Следует отметить, что на третьем и четвертом метрах (от входа) расселина была завалена камнями. Глыбовый завал заканчивается строго на уровне полок карниза. Разборка завала в расселине показала, что под камнями находятся целые, не раздробленные кости животных. Практически все крупные и целые кости обнаружены в расселине под камнями. Все это позволяет считать, что кости в расселине, как и сама щель, были заложены камнями намеренно.

Рядом с черепом лошади зафиксировано скопление зубов (5 экз.) из верхней челюсти северного оленя и фрагменты его черепа. Здесь же

найдена часть нижней челюсти северного оленя с тремя зубами. Это дает основания предположить, что на данном месте находился череп северного оленя, впоследствии разрушенный. Под остатками черепа северного оленя на уровне глыбового завала в расселине залегала нижняя челюсть новорожденного мамонтенка. Внутри ее найден зуб из верхней челюсти шерстистого носорога (Сериков Ю. Б., 2001в, с. 106–108).

В плейстоценовом слое выявлено свыше 800 костей животных. 61 % костей принадлежит северному оленю. На втором месте идет дикая лошадь – 14,2 %, затем заяц – 7,1% и песец – 6,8 %. Остальные виды представлены единичными костями: мамонт, носорог, бизон, сайга, пещерный лев, медведь, лось, бобр.

Анализ костей по частям скелета, представленным в пещере, привел к очень интересным результатам. Выяснилось, что суммарно кости головы и ног северного оленя составляют 93,2 %, а лошади – 93,3 %. Данные результаты полностью совпадают с археозоологическими критериями, выделенными П. А. Косинцевым для святилищ Урала и Западной Сибири (Косинцев П.А., 1996, с. 41).

Каменный инвентарь эпохи палеолита содержит 55 кремневых изделий, в основном отщепы и осколки. Один из отщепов залегал в расселине строго под челюстью мамонтенка на глубине 129 см.

Анализ находок и условий их залегания позволяет считать палеолитический комплекс Кумышанской пещеры культовым, а саму пещеру – святилищем эпохи верхнего палеолита. Прежде всего, об этом свидетельствует стоящий вертикально и обложенный камнями череп дикой лошади. Возможно, частью древнего демонстрационного комплекса являлись также череп северного оленя и нижняя челюсть мамонтенка. Но, может быть, они являются свидетельствами неоднократности проводимых в пещере культовых обрядов. Вероятно, особую роль в этом святилище играла расселина со всем ее содержимым. Анализ фаунистических остатков – свыше 90 % костей головы и ног – дает еще один аргумент в пользу данного предположения. Невыразительный каменный инвентарь пещеры абсолютно не характерен для поселенческих комплексов. А обилие отщепов и осколков может являться отражением каких-то культовых действий, в основе которых лежал принцип расщепления камня. Об особом отношении к расщеплению камня свидетельствует и В. Т. Петрин, когда рассматривает негативы древних сколов на стенах Игнатиевской пещеры (Петрин В.Т., 1992, с. 78–80).

Палеолитический комплекс Кумышанской пещеры имеет две радиоуглеродные даты. По костям мамонта в Новосибирске получена

дата 12430±260 лет (СОАН-4846), а по кости носорога из нижней части слоя в Оксфорде получена дата 33670±300 (ОхА-10929) (Сериков Ю.Б., 2004, с. 54).

Таким образом, исследования последнего десятилетия вполне определенно показывают, что на Урале выявляется целый пласт палеолитических пещерных святилищ, центральными объектами которых являлись демонстрационные комплексы в виде черепов медведя, лошади, льва и, возможно, северного оленя.

Если подвести некоторые итоги изучению палеолитических святилищ на Урале, то можно увидеть, что кроме еще недавно считавшихся единственными палеолитическими святилищами пещер с наскальными росписями (Каповой и Игнatieвской), на Урале уже известны святилища и другого рода. Полученные данные, накопленные при исследовании палеолитических святилищ, должны подтолкнуть исследователей к переосмыслению уже известных комплексов. В этом плане интересно рассмотреть материалы некоторых уральских пещер.

Медвежья пещера является самой крупной на территории Северного Урала (Республика Коми). Общая длина ее ходов составляет около 500 м. Вход в виде большой арки имеет 12 м в ширину и 3 м в высоту. Над уровнем р. Печоры он возвышается на 40 м. Пещера состоит из ряда гротов и галерей разной степени доступности (Гуслицер Б.И., Каневец В.И., 1965, с. 43–49).

Учитывая, что в пещере преобладали кости северного оленя (43% всех костей – свыше 7,5 тыс.), В.И. Каневец полагал, что в пещере находился лагерь охотников за северным оленем. А 2,5 тыс. сброшенных рогов северного оленя (35% всех костных остатков оленя), по его мнению, использовались для укрепления каркаса палеолитического жилища (Гуслицер Б.И., Каневец В.И., 1965, с. 100–102).

Однако современный исследователь Медвежьей пещеры П.Ю. Павлов считает, что рога в пещеру были принесены с культовыми целями. Поскольку северный олень являлся и является основой хозяйства у северных народов, он был и наиболее почитаемым животным. Отражением его культа являлись ритуальные кучи из рогов и черепов северного оленя, широко распространенные у народов тундры и лесотундры. По мнению П.Ю. Павлова, подобная ритуальная куча существовала и в Медвежьей пещере (Павлов П.Ю., 1996, с. 83–85).

Культурный слой, в котором найдены почти все сброшенные рога северного оленя и обработанный кремний (слой 5, горизонт «Б»), имеет несколько радиоуглеродных дат. Все даты дают довольно узкий интервал – 16130±150 (ЛЕ-3060), 17960±200 (ЛЕ-3059), 18700±180 (ЛЕ-ГИН-8399) (Радиоуглеродная хронология..., 1997, с. 63).

Многочисленные сброшенные рога северного оленя найдены и в Уньинской пещере (Республика Коми). Пещера находится в среднем течении р. Уньи. Общая длина ее ходов – около 300 м. Входная арка имеет размеры $7 \times 4,3$ м. Пещера исследована лишь частично. По аналогии с Медвежьей пещерой П.Ю. Павлов допускает, что и Уньинская пещера в верхнем палеолите использовалась в качестве святилища (Павлов П.Ю., 1996, с. 88–90).

Еще одним культовым комплексом можно считать костяные изделия грота Безымянного. Грот расположен на левом берегу р. Пышма (Свердловская область). Он является устьем карстовой воронки, расположенной выше. Длина грота до резкого сужения всего 3 м, ширина – 5,5 м, высота – 1,5 м. Грот экспонирован почти строго на запад. Находится он на высоте около 8 м над уровнем реки (Петрин В. Т., Смирнов Н. Г., 1977, с. 56–57).

Набор находок из грота очень специфичен и не имеет аналогий ни в одном пещерном палеолитическом памятнике Урала. Кроме двух каменных изделий в нем найдено 6 костяных предметов. Среди них скульптурка кошачьего хищника, изготовленная из очень тонкой пластинки бивня мамонта, крупная бусина из трубчатой кости, браслет из отшлифованной костяной пластинки, три фрагмента непонятного изделия, часть кинжала и проколка. Палеолитический слой грота Безымянного имеет дату 19240 ± 265 (СОАН – 2212). Первоначально находки трактовались как остатки одного из неоднократных посещений грота людьми верхнего палеолита (Петрин В. Т., Смирнов Н. Г., 1977, с. 61). Однако впоследствии было высказано предположение о принадлежности костяных изделий и украшений к разрушенному палеолитическому погребению (Петрин В. Т., 1992, с. 84; Широков В. Н., Косинцев П. А., 1997, с. 27). Следует подчеркнуть, что за 70 лет исследований палеолита на Урале ни одного погребения найдено не было.

Необычный комплекс зафиксирован в пещере Котел (среднее течение р. Чусовой, Свердловская область). В нем обнаружено скопление костей животных диаметром около 60 см и мощностью 31 см. Внутри скопления костей отмечен небольшой очажок. Он был разложен прямо на скоплении костей, а затем и перекрыт слоем костей толщиной 12 см. В таком порядке действий можно увидеть следы какого-то культового обряда. В скоплении найдено свыше 500 костей животных, среди которых преобладали кости северного оленя и дикой лошади. Любопытно отметить, что в 40 см от скопления костей был оставлен прекрасного качества хрустальный нуклеус высотой 4,6 см (Серигов Ю.Б., 1997, с. 121). Палеолитический слой имеет радиоуглеродную дату, полученную по позвонку мамонта – $12740+65$ (ОхА-10913).

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о многогранности и разнообразии ритуально-культовой практики палеолитического населения Урала. На фоне все увеличивающихся свидетельств многообразия культовой практики палеолитического человека (Васильев С.А., 2000; Деревянко А.П., Рыбин Е.П., 2005; Житенев, 1999; 2000; Оводов Н.Д., Мартынович Н.В., 2006; Сеницына Г.В., 2006; Щербакова, 2000) это уже не кажется удивительным.

Наиболее ранним культовым памятником Урала являются скальные останцы на озере Большие Аллаки. Их комплекс датируется временем 24,7 тыс. лет назад. О характере ритуалов и обрядов, проводимых у подножья скал, пока нельзя сказать ничего достоверного. Во-первых, памятник исследован раскопками лишь частично. А во-вторых, аналогий данному памятнику не имеется.

Такой же единичный характер имеют и святилища в Медвежьей и Уньинской пещерах. Если имеющиеся даты соответствуют слою со сброшенными рогами северного оленя (а такие сомнения присутствуют), то святилища функционировали в промежутке 16,1 – 18,7 тыс. лет назад.

Пещерные святилища с палеолитическими росписями датируются интервалом от 13,3 до 14,2 тыс. лет назад. По всей видимости, они использовались неоднократно и в течение большого промежутка времени. Возможно, их функционирование продолжалось даже в голоценовые эпохи. Большинство исследователей считает, что в пещерах с росписями происходили обряды инициаций. Это вполне соответствует современным представлениям. Можно только подчеркнуть, что в зависимости от топографии пещеры, характера рисунков и других аспектов проводимые ритуалы и обряды отличались индивидуальным характером.

Традиция использовать пещерную живопись в обрядах и ритуалах сохранялась на Урале и в более позднее время. Пятна охры выявлены в самом крупном гроте р. Чусовой – Большом Глухом (Пермская область). Культурный слой был окрашен охрой и содержал костяные орудия и оригинальные костяные украшения. Его дата – 10607±158 (ИЭМЭЖ – 1049) (Павлов П.Ю., 1996, с. 63). Одиннадцать антропоморфных изображений, выполненных красной краской, обнаружены в Мурадымовской пещере (Республика Башкортостан). Возраст рисунков не установлен, но предположительно их относят к эпохе мезолита-неолита (Широков В.Н., 1995, с. 44–45). Некоторые рисунки находятся на скалах, но рядом с входом в грот или в предвходовой части пещеры (Кульметовский грот, Бурановская пещера, грот в Камне Моховом, грот на Писаном Камне, Идрисовская пещера и др.). Эти комплексы

заполняют пустоту между пещерными рисунками эпохи палеолита и наскальными изображениями (писаницами) на скалах Урала, ранний возраст которых связывают с мезо-неолитическим временем. Видимо, в эпоху мезолита в связи со сменой мифопоэтических представлений и сакрализацией скал происходит перенос сакральной области из темноты пещер на освещенные скальные поверхности.

В самом конце верхнего палеолита (от 11,7 до 12,7 тыс. лет назад) в пещерах стали совершаться обряды, связанные с культами отдельных животных. Если культ медведя существовал в глубокой древности, то культ копытных животных зародился именно в это время. В эпохи голоцена он получил широкое распространение.

Полученные новые материалы убеждают нас, что ритуально-культурная практика палеолитического охотника была гораздо более разнообразной, чем это представлялось ранее. С одной стороны, исследованные палеолитические святилища можно объединить в две четкие группы – святилища с пещерной живописью и святилища с культом черепов животных. Но с другой стороны, даже внутри выделенных групп оформление сакрального пространства сильно различается. А это свидетельствует о ярко выраженной индивидуальности ритуалов и обрядов, проводимых в святилищах. Выяснить специфику каждого культового комплекса и памятника – это первоочередная задача будущих исследований.

Библиографический список

Бадер О.Н. Следы древнейшей пещерной живописи на Южном Урале // СА. 1961. № 3. С. 319–320.

Бадер О.Н. Открытие палеолитической пещерной живописи на Урале // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 14–23.

Бадер О.Н. Палеолитические рисунки Каповой пещеры (Шульган-Таш) на Урале // СА. 1963. № 1. С. 125–134.

Бадер О.Н. Каповая пещера. М., 1965. 49 с.

Бадер О.Н. Следы палеолита в пещере Ямазы-Таш (Игнatieвской) на Южном Урале // Первобытная археология – поиски, находки. Киев, 1980. С. 63–70.

Близнецов Е.П. Обследование пещер в Пермской области // Археологические открытия 1967 года. М., 1968. С. 116–117.

Васильев С.А. Свидетельства ритуального поведения у древнейших обитателей Северной Америки // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематической научной конференции. СПб., 2000. С. 9–10.

Волков Р.Б., Ерохин Н.Г., Тихонова Н.Р. Гранитный грот (навес) Шайтаноозерский Каменный Остров I // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 3. Екатеринбург, 1999. С. 110–116.

Гуслицер Б.И., Канивец В.И. Пещеры Печорского Урала. М.-Л., 1965. 134 с.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. Новосибирск, 2005. С. 232–255.

Жилина И.В., Петрин В.Т. Оригинальная индустрия из Кыштымского озёрного края (к проблеме появления культовых мест на Урале) // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытнообщинного строя. Свердловск, 1989. С. 46–48.

Житенев В.С. Пещерное монументальное искусство и «ритуальные медвежьи комплексы» верхнего палеолита // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Тезисы докладов юбилейной конференции, посвященной 60-летию кафедры археологии исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. М., 1999. С. 47–50.

Житенев В.С. Археозоологические критерии «ритуальных медвежьих комплексов» верхнего палеолита // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематической научной конференции. СПб., 2000. С. 33–37.

Житенев В.С. Череп пещерного медведя (*Ursus spelaeus*) с нарезками и следами охры из пещеры Сикияз-Тамак (Южный Урал) // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. I. С. 201–203.

Косинцев П. А. Археозоологические критерии святилищ Урала и Западной Сибири // Полевой симпозиум «Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь, 1996. С. 40–42.

Косинцев П.А., Улитко А.И. Фауна крупных млекопитающих из археологического памятника Шайтаноозерский Каменный Остров-1 // III Берсовские чтения. Материалы научно-практической конференции. Екатеринбург, 1999. С. 76–78.

Котов В.Г. Пещера Шульган-Таш и мифология Южного Урала. Уфа, 1997. 32 с.

Котов В.Г. Следы культа пещерного медведя на Южном Урале по данным пещеры Заповедная // Пещерный палеолит Урала. Материалы международной конференции. Уфа, 1997а. С. 42–45.

Котов В.Г. Палеолитическое святилище со следами культа пещерного медведя на Южном Урале // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематической научной конференции. СПб., 2000. С. 37–40.

Котов В.Г. Святилище в пещере Шульган-Таш (Каповой) и мифология Южного Урала // Проблемы первобытной культуры. Уфа, 2001. С. 54–79.

Котов В.Г. Культ медведя на Урале по данным пещеры Заповедная // Проблемы первобытной культуры. Уфа, 2001а. С. 86–105.

Котов В.Г., Ляхницкий Ю.С., Пиотровский Ю.Ю. Методика нанесения и состав красочного слоя рисунков пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2004. Вып. 5. С. 65–71.

Ляхницкий Ю.С., Солодейников А.К. Результаты исследования рисунков пещеры Шульган-Таш (Каповой) группой ВСЕГЕИ в 2001–2004 гг. // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2004. Вып. 5. С. 56–64.

Мельничук А.Ф., Изосимов Д.А., Фадеева Т.В. Пещера Тайн // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004. С. 271–272.

Оводов Н.Д., Мартынович Н.В. Пещеры, древний человек и животные // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. I. С. 218–220.

Павлов П.Ю. Палеолитические памятники Северо-Востока Европейской части России. Сыктывкар, 1996. 194 с.

Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992. 207 с.

Петрин В. Т., Смирнов Н. Г. Палеолитические памятники в гротах Среднего Урала и некоторые вопросы палеолитоведения Урала // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1977. Вып. 14. С. 56–71.

Петрин В.Т., Широков В.Н., Чаиркин С.Е. Древнее святилище во 2-й Серпиевской пещере на Южном Урале // Семантика древних образов. Новосибирск, 1990. С. 7–20.

Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб., 1997. 143 с.

Сериков Ю.Б. Новые данные по палеолиту Среднего Урала // РА. 1997. № 3. С. 120–125.

Сериков Ю.Б. Новый тип палеолитического святилища на Среднем Урале // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематической научной конференции. СПб., 2000. С. 40–42.

Сериков Ю.Б. Использование камней-самоцветов на территории Среднего Зауралья в древности // Пермский регион: история, современность, перспективы: Материалы международной научно-практической конференции. Березники, 2001а. С. 44–47.

Сериков Ю.Б. Вторичное использование изделий предшествующих эпох // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов международной научной конференции. Оренбург, 2001б. С. 56–57.

Сериков Ю.Б. Палеолитическое святилище на р. Чусовой (первые результаты исследований) // Проблемы первобытной культуры. Уфа, 2001в. С. 106–112.

Сериков Ю.Б. Культовые пещеры р. Чусовой // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004. С. 38–62.

Сериков Ю.Б. Горный хрусталь в культовой практике древнего населения Урала // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы Шестых Сибирских чтений. СПб., 2005. С. 7–12.

Сериков Ю.Б. Культовые объекты и памятники как маркеры освоенного пространства (по материалам Среднего Зауралья) // II Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург-Ханты-Мансийск, 2006. С. 223–224.

Синицына Г.В. Предметы символической деятельности на стоянках каменного века северного берега озера Волго в Тверской области // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. Липецк, 2006. С. 55–56.

Филиппов А.К. Мифологические фрагменты искусства палеолита // Пещерный палеолит Урала. Материалы Международной конференции. Уфа, 1997а. С. 65–73.

Филиппов А.К. Происхождение палеолитического искусства. СПб., 1997б. 103 с.

Филиппов А.К. Хаос и гармония в искусстве палеолита. СПб., 2004. 224 с.

Формозов А.А. О датировке росписей в Игнatieвской пещере на Урале // РА. 2000. С. 215–217.

Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // САИ. Вып. В4 – 12(2). М., 1971. 120 с.

Широков В.Н. Древнейшее искусство уральских пещер. Екатеринбург, 1995. 80 с.

Широков В. Н., Косинцев П. А. Обзор использования пещер Урала в палеолите // Пещерный палеолит Урала: Материалы Международной конференции. Уфа, 1997. С. 26–29.

Широков В.Н., Rowe M.W., Steelman K.L., Southon J.R. Игнatieвская пещера – первые прямые радиоуглеродные датировки настенных рисунков // *Образы и сакральное пространство древних эпох*. Екатеринбург, 2003. С. 67–72.

Щелинский В.Е. Некоторые итоги и задачи исследований пещеры Шульган-Таш (Каповой). Уфа, 1996. 25 с.

Щелинский В.Е. Палеогеографическая среда и археологический комплекс верхнепалеолитического святилища пещеры Шульган-Таш (Каповой) // *Пещерный палеолит Урала. Материалы Международной конференции*. Уфа, 1997. С. 29–38.

Щелинский В.Е. Настенное искусство верхнепалеолитического святилища в пещере Шульган-Таш (Каповой) на Южном Урале: композиция «Лошади и Знаки» в зале Хаоса // *Проблемы первобытной культуры*. Уфа, 2001. С. 33–53.

Щербакова Т.И. Поселение или святилище? (К вопросу о характере палеолитического местонахождения Анетовка-2 в Северном Причерноморье) // *Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематической научной конференции*. СПб., 2000. С. 42–46.

Юрин В.И. Сикияз-Тамакский пещерный комплекс: шесть лет исследования // *XV Уральское Археологическое совещание. Тезисы докладов международной научной конференции*. Оренбург, 2001. С. 34–36.

П.К. Дашковский, Д.В. Культякова

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

Влияние иранского религиозного комплекса на мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в скифскую эпоху*

*Если бы рост христианства был
остановлен какой-то смертельной
болезнью, мир был бы митраистским*

Э. Ренан

Генезис культур скифского облика в евразийских степях совпал со значительным этапом в истории человечества. На период VIII–II вв. до н.э. приходилась ось мировой истории (около 500 г. до н.э.). В это время в древних культурах Востока и Запада протекал интенсивный процесс духовного развития: формировалась новая философия, мировоззрение, тип мышления (Ясперс К., 1994, с. 32–33; Фромм Э., 1992, с. 82;

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ–МинОКН Монголии (проект №06-01-91809а/Г) и РГНФ (проект №06-01-60105а/Т)